

ОТЗЫВ

официального оппонента Л.Н. Будаговой
о кандидатской диссертации Корзининой Анастасии Анатольевны
А.А. ФЕТ в чешском восприятии

Представленная на соискание степени кандидата филологических наук работа Анастасии Анатольевны Корзининой «Афанасий Афанасьевич Фет в чешском восприятии» представляет собой серьезное междисциплинарное (между русистикой и богемистикой) исследование, связанное со взаимодействием чешской и русской литератур, плодотворном для обеих сторон. Ее актуальность определяется разными причинами. Прежде всего, стойким интересом к изучению межлитературных контактов и связей, этого важного фактора становления, обогащения, развития взаимодействующих литератур. (Заметим, что характер процессов, происходящих с ними в ходе взаимодействий зависит от их состояния). Сколько бы проблематикой связей ни занимались ученые, она никогда не будет исчерпанной. Однако в настоящее время можно констатировать некоторое снижение интереса наших зарубежных коллег к исследованию русско-славянских литературных отношений, вызванное современной политической ситуацией, симптомами разобщенности если не славянских народов, то славянских государств. Это только усиливает необходимость восполнять недостающее, продолжать и дальше разрабатывать названную проблематику, создавать работы, подтверждающие обоюдоострую пользу связей славянских литератур с литературой русской. Именно к этому типу работ относится и диссертация Анастасии Анатольевны Корзининой

Объектом внимания автора является творчество А.А. Фета, выдающегося русского поэта, пребывавшего, однако, в тени своих великих собратьев по перу (Пушкина, Лермонтова, Некрасова), и его восприятие чешской культурой XIX-XXI вв., что еще не изучено ни русскими, ни

чешскими учеными. Долгое время достоинства и своеобразие творчества А.А. Фета ускользали от чешских критиков, переводчиков, читателей. Его путь в чешские энциклопедии и словари, чешские «Истории» русской литературы был долгим и трудным. Приведу лишь одно подтверждение этому. В «Кратком словаре русско-чешских литературных связей», созданном под руководством известного чешского русиста Мирослава Заградки и изданном в Праге в 1986 г., имя Фета среди русских писателей, переводившихся на чешский язык, даже не упоминается. Оно появляется лишь в более поздних аналогичных словарях.

Собрав, порой по крупицам, систематизировав и осмыслив материал, связанный с историей чешского восприятия творчества Фета, далеко не всегда лежащий на поверхности чешского литературного процесса, диссертантка, ничего не приукрашивая и не замалчивая, воссоздает те перипетии его судьбы и внешних обстоятельств, которые затрудняли его проникновение в чешскую культуру.

Поставив перед собой цель – проследить историю, выявить причины и специфику запоздалого восприятия творчества Фета в Чехии, начало которому положил 1881 год, когда поэту было уже за 60, охватить и проанализировать чешские переводы его произведений, сопоставив их с оригиналом и друг с другом, автор диссертации успешно решает связанные с этим задачи в двух Главах, Введении и Заключение своего исследования. Ею проделана тщательная и новаторская работа по периодизации процесса рецепции творчества русского классика в иноязычной среде, совпадающая с периодизацией чешской литературы XIX-XXI вв., чему посвящена Глава I диссертации. Глава 2 полностью сосредоточена на анализе переводов, который происходит с опорой диссертантки на основательный теоретический фундамент, на идеи и высказывания теоретиков и практиков переводческого труда – А.В. Федорова, К.И. Чуковского, М.Л. Лозинского, В.В. Набокова, Н.М. Любимова, Г.М. Кружкова.

Если Глава I описывает медленное нарастание в Чехии интереса к Фету, иллюстрируя это скупыми фактами переводов очень немногих его произведений, публиковавшихся в XIX в. в периодике, и редкими выпусками в новом столетии сборников его стихов, т.е. охватывая внешнюю сторону его чешского восприятия, то Глава 2 – сугубо аналитическая, где автор сопоставляет переводные версии произведений Фета с подлинниками и друг с другом, проникая в глубины и подтексты фетовского творчества, в его поэтику, и в то, как справляются с ней переводчики.

В этой главе детально анализируются и сравниваются первые чешские переводы всего лишь трех стихотворений Фета, сделанные в конце XIX в. Й. Сладеком (он перевел популярнейшие стихи 1842 г. положенные на музыку Варламовым, «На заре ты ее не буди...») и стихотворение 1843 г. «Узник») и Ф. Халупой, который перевел стихотворение 1858 г. «Рыбка». В той же главе дан творческий портрет уже современного поэта и переводчика Ивана Славика, пожалуй, наиболее преданного русскому классику его чешского почитателя. Именно Славик первым собрал целую книгу своих переводов 117 произведений Фета «Večery a noci» («Вечера и ночи»), изданную в Праге в 1964 г. с обстоятельной вступительной статьей чешского русиста Иржи Гонзика.

Полноценность и совершенство переводческого искусства Славика подтверждается анализом его переводов стихотворений «Еще майская ночь» (15 мая 1857 г.) и «Чудная картина» (1842 г.). Диссертантка внимательно прочла и объективно оценила переводы Ярослава Кабичека и выпускника философского факультета Карлова университета Рене Кочика, самого молодого из современных переводчиков Фета. Ярослав Кабичек, который через 10 лет после Ивана Славика выпустил сборник собственных переводов Фета под названием «Roční dobu života» - «Вехи жизни» (Praha, 1974), назвав в своем послесловии поэзию Фета «листами чистого золота», представлен переводческими версиями стихов «Сияла ночь. Луной был

полон сад...»(1877) и «Не ворчи, мой кот-мурлыка» (1843). Искусство Рене Кочика раскрывается через анализ переведенных стихотворений «Чудная картина» (1842) и «В лунном сиянии» (1885), опубликованных в журнале «Техту» в 1996 г. т.е. через 22 года после появления сборника Кабичека. Приведенные А.А. Корзининой факты наглядно показывают, как медленно и с каким долгими паузами шло вращение творчества Фета в чешскую культуру. Однако происходило оно с минимальными потерями для русского классика, что раскрывает наиболее ценная аналитическая часть диссертации.

Весьма интересен предпринятый Анастасией Анатольевной сопоставительный анализ разных переводов одних и тех же, к тому же наиболее популярных произведений Фета (стр. 111-127). Это переводы стихотворения «В лунном сиянии» (1885), сделанные Иваном Славиком и Ярославом Кабичеком; стихотворения «Степь вечером» (1854), к которому обратились поэты разных эпох – Франтишек Халупа в 1884 г. . а через 80 лет Иван Славик в 1964, и, наконец, перевод стихотворения Фета «Шепот, робкое дыханье...» (1850, цикл «Вечера и ночи»), которое считают визитной карточкой поэта, и которое В.М. Жирмунский назвал одним из самых «образцовых произведений русской лирики» (стр.123). Практически всем переводам дана высокая оценка, отступления же от подлинника объясняются спецификой чешского языка. Однако же, отмеченную автором диссертации «безглагольность повествования», характерную для Фета, любившего безглагольные назывные предложения, но вроде бы невозможную для чешской речи, практически тут же опровергают приведенные строфы двух чешских переводов фетовского шедевра «Шопот, робкое дыханье... ». Если у Фета в нем действительно выдержана «безглагольность», то чешские переводы скорее не избегают ее, а стараются к ней приблизиться. В своем переводе Славик употребил глаголы, но всего лишь два раза, Кабичек и вовсе постарался ограничиться одним. Так что, на наш взгляд, в диссертации проявилась недооценка гибкости чешского языка, который, принимая в себя иноязычную поэзию, старается под ее

влиянием расширять свои возможности, а в данном случае овладеть техникой создания безглагольных текстов, или хотя бы приближаться к ним.

Что же касается наблюдений Анастасии Анатольевны (и мнений других специалистов) о частой замене в переводах Фета дактиля хореем, наиболее привычным для чешской поэзии, а также о неспособности даже самых успешных чешских переводчиков (в том числе И. Славика) воссоздавать «скрытые смыслы концовок стихотворений Фета» (стр.120), то с этим можно только согласиться.

Нельзя не поддержать выделение А.А. Корзининой сквозных для поэзии Фета мотивов и образов, степень верности которым в переводах может выступать критериями их качества. Опираясь на отечественных исследователей (Федину В.С., Кушлину О., Аношкину В. Н. и др.) диссертантка рассматривает некоторые наиболее часто встречающиеся у Фета образы и мотивы, прослеживая, как их передавали разные чешские поэты. Это **соловей/трели соловья, соловей и роза, ночь/луна/лунный свет** (стр. 107-108). Своеобразной точкой опоры для А.А. Корзининой, анализирующей переводы и определяющей их уровень, послужили работы отечественных исследователей (Б.М. Эйхенбаума, Э. Эгеберга, Н.Н. Суховой) о «кольцевой композиции» стихов Фета (Эйхенбаум), о трех типах «композиционных колец» (Эгеберга). К типу первому исследователь относит дословное повторение первой строки в последней, к типу второму – едва заметное присутствие в концовке элементов начальной части, к типу третьему – стихотворения, «в которых в конце встречается легко узнаваемое, но не полное совпадение» с началом (стр. 109). Вслед за Н.П. Суховой автор диссертации отмечает в поэзии Фета противопоставления двух миров – спокойного мира комнаты, внутреннего пространства и «пугающего своей неясностью, бесконечностью» мира внешнего, границей между которыми выступает **окно**. Учитывает Анастасия Анатольевна и такой важный элемент поэтики Фета как «категория мгновения и концепции вечности» с

фетовской трактовкой мгновения как окна в Вечность (здесь А.А. Корзинина опирается на работы Л.М. Лотмана, Р.Ф. Густавсона, В.И. Чередниченко, В.А. Шеншиной). Все эти опоры подсказывают исследовательнице верные ориентиры и придают системность ее сопоставительному анализу чешских переводов Фета (стр.111-127).

Желательно, чтобы Глава 2, где охвачено и тщательно проанализировано все то, что русский классик дал чешской культуре и что она особенно ценила в нем, не осталась бы вещью в себе и появилась бы возможность подготовить на ее основе публикацию.

Высоко оценивая диссертацию А.А. Корзининой, не могу, в тоже время удержаться от критических замечаний. Наиболее проблематичными, порой расплывчатыми и противоречивыми выглядят некоторые общие характеристики тех исторических контекстов, в которых проходила жизнь чешской литературы и определялось ее отношения к А.А. Фету. Прежде всего это относится к началу Главы 1. разделу 1.1.1. «Восприятие А.А. Фета в Чехии при жизни и в первые годы после его смерти» (стр. 12-23). В диссертации читаем: «Россия в период чешского национального возрождения представлялась чехам оплотом всего славянства. Вместе с тем переводов из славянских литератур на чешский язык в этот период было крайне мало, что многие исследователи объясняют политической обстановкой в Австрийской империи» (стр. 12), но уже на следующей странице оказывается, что уже «в первые десятилетия XIX в.» дело с русскими переводами обстояло совсем неплохо- появлялись переводы Карамзина, Державина, Кантемира. Далее читаем, что «в Чехии в 1840 – е гг. интерес к лирике ослаб: общество пережило уход крупных русских поэтов Пушкина и Лермонтова, и в центре внимания читающей чешской публики была главным образом проза, в частности роман, а поэзия в журналах лишь заполняла пустоты» (стр. 13-14). Надо сказать, что уход поэтов обычно усиливает, а не ослабляет интерес к их творчеству. Ранний уход Лермонтова к тому же читающая чешская публика сильнее стала переживать к концу

столетия, когда дозрела до его поэзии и любопытство к Лермонтову сменилось его культом. В 1840-е гг. о нем в Чехии знали еще мало. Кроме того, вряд ли поэзия печаталась в журналах того времени ради заполнения в них «пустот». Издателям журналов и тогда было чем порадовать читателей. Еще жили и творили Челаковский, Эрбен, Гавличек-Боровский, нарастал интерес к Карелу Гинеку Махе, публиковались немецкие и польские поэты. Непонятно также, чем обернулся «общественный кризис» в Чехии конца века для чешской культуры, в чем специфика движения Чешской модерна по сравнению с западноевропейским модернизмом? Возможно, вопросы эти не столь важны для раскрытия темы диссертации, но прояснение их необходимо молодому специалисту, посвятившему себя чешской литературе.

Добиться большей четкости и вразумительности в описании общественно-литературной ситуации в Чехии XIX в. и тех перемен, которые там происходили, помогло бы Анастасии Анатольевне знакомство с трехтомником «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997-2001), особенно с ее первыми двумя томами. Труд этот, выдвигавшийся на Государственную премию России в 2003 г., прошел общественное обсуждение на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, получил там и в Пушкинском доме в лице его тогдашнего директора, профессора Скатова, высокую оценку, но остался вне сферы внимания диссертантки. Его ключение в обширный раздел Библиографии, оказалось, к сожалению, чисто формальным.

Есть и другие замечания. Так, в определении «Теоретической и практической значимости научного исследования» теоретическую значимость диссертации А.А. Корзинина видит в том, «что в ней представлена картина восприятия Фета в Чехии» (стр. 7). Но где здесь теория? Она присутствует в диссертации, но не в ее предмете, а в принципах его исследования, в опоре на работы отечественных и зарубежных теоретиков искусства и литературы, специалистов по теории перевода,

теории стихосложения, проблемам поэтики и т.д.. Ее просто надо было выявить и подчеркнуть диссертанткой.

Хотелось бы обратить внимание и на то, что Роман Якобсон не основатель (стр. 29), а всего лишь **один** из основателей Пражского лингвистического кружка, что «трагическими событиями Второй мировой войны» очерчены не 1940-е (стр. 29), а 1939-40-е годы, что чехи не в этот военный период, как отмечено на той же странице, а до войны «широко отметили 100-летие со дня смерти Пушкина». На стр. 30 та же годовщина по-прежнему отнесена к военному времени.

Коллективная монография на немецком языке «Проблематика Восток-Запад в европейских культурах и литературах» издана в 2009 г. не Славянским **отделом** Чешской Академии наук, как указано на стр.36, а Славянским **институтом** этой Академии.

Упомянув 1960-е и 1970-е годы, как время, когда «смягчался официальный гнет и получили возможность печататься чешские поэты, чье творчество было проникнуто настроениями интимной лирики (Сайферт, Голан, Микулашек)» (стр. 36), диссертантка допускает несколько неточностей: «гнет смягчался» лишь в 1960-е гг., годы оттепели, но усиливался в 1970-е годы, в период «нормализации», наступившей после подавления «пражской весны» советскими танками на Вацлавской площади 21 августа 1968 г.; названные чешские поэты печатались и в годы «нормализации»; русское написание чешской фамилии Seifert – пишется через «е» - Сейферт. Возникает также вопрос, насколько справедливо при характеристике своеобразного видения и ощущения природы Фетом называть это «эстетическим реализмом», (стр. 105) предполагающем существование реализма «неэстетического», не лучше ли обойтись без эпитетов, или заменить «реализм» - другими понятиями («импрессионизмом», «лиризмом» и т.д.).

Все высказанные замечания ничуть не умаляют научной ценности созданного А.А. Корзининой исследования. Главное, что в представленной

диссертации на конкретных примерах убедительно показана взаимовыгода чешско-русских контактов, обогащающих обе взаимодействующие культуры. Если в чешскую вместе с переводами произведений Фета входят новые художественные ценности, расширяющие культурный кругозор чешского читателя, возможности его родного языка, то чешская рецепция творчества Фета, его интерпретация чешской критикой, расставленные ею акценты, отбор произведений для переводов обогащают и усложняют наши собственные представления о Фете, делают образ его поэзии более пластичным и многосторонним, чем тот, что живет в сознании многих его соотечественников. К русской трактовке Фета как романтика, тончайшего лирика, сторонника поэтического реализма, «чистого искусства», предвестника русского символизма (все эти определения не исключают, а дополняют друг друга, показывая полифункциональность и внутреннюю сложность поэзии Фета) чешское восприятие прибавляет метафизическую составляющую его творчества, которую, особенно акцентировал Иван Славик, отличавшийся глубокой религиозностью, и которая еще ждет дальнейшего изучения и признания.

Работа А.А. Корзининой, ликвидирующая существенные пробелы в истории русской литературы, в истории чешской литературы, в истории русско-славянских литературных связей, состоялась и является серьезным вкладом в литературоведческую богемистику и русистику нашей страны и зарубежья.

Представленная диссертация соответствует критериям, устанавливаемым для кандидатских диссертаций в пп. 9, 10 "Положения о порядке присуждения ученых степеней (в ред. Постановления Правительства РФ от 24. 09. 2013 номер 842)". Автореферат и опубликованные работы с достаточной полнотой отражают положения диссертации.

А.А. Корзинина заслуживает присвоения искомой степени кандидата филологических наук по специальностям: 10.01.03. – литература народов

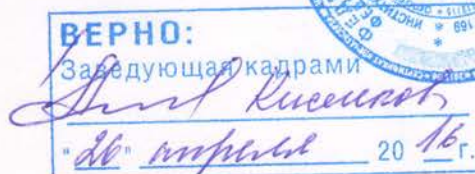

зарубежья (европейская и американская литература); 10.01.01. – русская литература.

Официальный оппонент – д.ф.н. Л.Н. Будагова

26 апреля 2016 г.

Будагова Людмила Нораировна,
заведующая Отделом истории славянских литератур
Института славяноведения РАН
Москва, Ленинский проспект 32 «А».
Тел.: +7 495 938 17 80
inslav@inslav.ru

Список публикаций за 2012-2016 гг.

Перечитывая Белинского и Гоголя // Н.В. Гоголь и славянские литературы», Москва 2012. С. 9-21

Н.В. Гоголь - провозвестник славянского литературного авангарда// Там же. С. 146-156

L Budagovová. O literatuře a kultuře. Praha 2012 (236 str.).

Восприятие Гоголя в литературах западных и южных славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. Москва 30 марта- 1 апреля 2012 г. М., 2012. С.58-66

Авангардизм// Лексикон южнославянских литератур. М.,2012. С. 18-26

Модерн (модернизм) // Там же. С. 263-269

Выдающийся русский славист // С.В. Никольский и современная славистика. В честь 90-летия со дня рождения ученого. М., 2013. С. 11-28

Ирония и юмор в сатирической поэзии// Историк-славист. Призвание и профессия. К юбилею В.В. Марьиной. Москва-Санкт-Петербург. 2013. С.310-321

О некоторых автохтонных корнях славянского литературного авангарда // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20-27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С.337-354

М.Ю. Международная конференция «Лермонтов в культуре западных и южных славян»(Москва, 5-6 ноября 2014) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда Москва, 2014, № 1(74). С. 219-225

Ипостаси и варианты “самого прогрессивного метода эпохи. К столетию Дмитрия Федоровича Маркова» // Славянский альманах 2013. М., 2014 .С.321-333

Об истории и специфике словацкого сюрреализма //Славяноведение. № 3, Июнь 2014 г.. С.59-78

Они были первыми. К 90-летию А.П.Соловьевой// Славянский мир в третьем тысячелетии.М.,2014.С.74-81.

От редколлегии // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С.3-8

«Десять лет спустя...»: научные результаты конференции, посвященной 90-летию с начала Первой мировой войны// Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М., 2015. С. 10-19

Традиции и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда// Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2015. С.474-482.

Из воспоминаний о военном времени// Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015. С.402-416

Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. вторая. 1941-1945//Славяноведение. №6. Ноябрь 2015 г. С. 108-112.

Чешские писатели и открытые политические процессы в Москве 1930-х годов// История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и национальном контексте. К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М., 2016. С. 457-475